

РАССУЖДЕНИЕ О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ, ЧИТАННОЕ В 1812 ГОДУ В БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА

Некогда рассуждали мы о преимуществе, какое род человеческий получил тем единым, что благость Божия, даровав нам душу, даровала и слово, без которого не могли бы ни чувства наши возвышаться, ни разум преуспевать, остриться и расти. Но сей величайший дар, сие слово, столь отличающее нас от бессловесных тварей, столь превозносящее над ними, было бы заключено в тесных весьма пределах, не расширило бы ни понятий наших, ни способностей, когда бы воля небес судила каждому из нас порознь скитаться по лицу земли, когда бы не вложила в нас желания составить общества, называемые державами и народами, и не повелела каждому из оных, размножаясь, жить под своим правлением, под своими законами. Люди без сих обществ были бы столько же злополучны, как без семейств и родства. Не было бы у них ни веры, обуздывающей страсти, исправляющей нрав и сердце; ни воспитания, просвещающего разум; ни общежития, услаждающего жизнь; ни могущества, величия и безопасности, проистекающих от совокупления во едино всех частных волей и сил. Отсюда следует, что человек, почитающий себя гражданином света, т. е. не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных.

Итак, когда Всемогущему Создателю миров угодно было устроить природу нашу таковою, чтоб мы для безопасности и благоденствия своего совокуплялись в разные общества, и каждое из оных составляло бы едино тело и единую душу, то для лучшего исполнения сей Всевышнего воли не худо рассмотреть обязанности наши к сему сообществу, или великому, собственно нашему семейству, называемому Отечеством. Небесполезно поговорить о любви к нему, не скучно побеседовать о том священном долге, который всякому родному сердцу столь сладостен.

Что такое Отечество? Страна, где мы родились; колыбель, в которой мы возлелеяны; гнездо, в котором согреты и воспитаны; воздух, которым дышали; земля, где лежат кости отцов наших, и куда мы сами ляжем. Какая душа дерзнет расторгнуть сии крепкие узы? Какое сердце может не чувствовать сего священного пламени? Самые звери и птицы любят место рождения своего. Человек ли, одаренный разумною душою, отделяет себя от страны своей, от единоземцев своих, и уступит в том преимущество пчеле и муравью? Какой изверг не любит матери своей? Но Отечество меньше ли нам, чем мать? Отвращение от сей противоестественной мысли так велико, что какую бы ни положили мы в человеке худую нравственность и бесстыдство; хотя бы и представили себе, что может найтись такой, который в развращенной душе своей действительно питает ненависть к Отечеству своему; однако и тот постыдился бы всенародно и громогласно в том признаться. Да как и не постыдиться? Все веки, все народы, земля и небеса возопияли бы против него: один ад стал ему рукоплескать. Отсюда происходит, что при всех пороках и страстях человеческих, при всей примечаемой иногда дерзости развращенных умов и сердец нигде не видим мы вопияния против сродного каждому чувствования любви к Отечеству. Напротив того, не только единогласное во всех языках слышим тому проповедование; но и везде, в прошедших и настоящих временах, тьмочисленные находим примеры, что сила любви к Отечеству препобеждает силу любви ко всему, что нам драгоценно и мило, к женам, детям нашим и самим себе.

Спартанка, мать троих сыновей, составлявших всю ее гордость и надежду, вопрошает пришедшего во град гонца:

– Что войски наши? Что мои дети?

Гонец отвечает, вздохнув:

– Все трое убиты.

– Так гибнет Отечество наше?

– Нет, оно спасено, торжествует над врагами.

– Довольно, – сказала Спартанка, – иду.

– Куда?

– Во храм благодарить богов.

Вот сила любви к Отечеству: кого преодолела она? Материнское сердце!

Но что я говорю о Спартанке? Зачем ходить в Грецию? Сколько таковых Спартанок найдем мы у себя дома! Не видим ли в протекших и нынешних временах мужей, сынов, жен, сестер, матерей наших, исполненных любви к Отечеству? Вспомним один только пример Пожарского и Минина, когда по гласу сего простого купца, по единому извещению его о бедствиях сограждан бесчисленное воинство, жертвуя состоянием своим и собою, стеклось добровольно для избавления Москвы. Какая ревность и усердие! Какое в толиком множестве людей достойное удивления единодушие! Мужеский и женский пол, юноши и девы, отроки и старцы без всякой неволи, без всякого принуждения, по единому подвигу любви все текут, всяк со всем семейством своим, имуществом и домом. Некто из наших стихотворцев, описывая сие происшествие, прекрасно прибавляет:

«И жены зрелище явили беспримерно,
Усердие граждан дея нелицемерно.
Сокровища, привык что нежный пол ценить,
Они в дар обществу спешили приносить;
Вручали Минину уборы те драгие,
Чем русые власы и нежны красят выи,
И провождаемы числом своих детей,
Оставивших серпы и плуги средь полей,

– Прими от нас, – рекли, – ты сей залог священный
И сердцу матери толико драгоценный!
С сей речью в сонм един детей совокупив
И горькими их грудь слезами окропив,
Как часть самих себя от персей отрывали
И трепетной рукой на брань благословляли».

Фемистокл, за все свои заслуги изгнанный неблагодарными афинами, принужден был прибегнуть к царю персидскому Ксерксу, против которого, предводительствуя войсками, одержал он многие победы. Ксеркс, обрадованный приобретением столь великого полководца, погасил вражду свою к нему, принял его в число первейших вельмож своих, осыпал благодеяниями и поручил ему начальство над войсками, которые посылал он в Египет. Но потом, когда прислан был из Греции Посол требовать Фемистокла, как скрывающегося из Отечества преступника, Ксеркс, пылающий ненавистью к грекам, переменяет свое намерение и, полагая в Фемистокле, с одной стороны, благодарность за оказанные ему благодеяния и защиту, а с другой – желание отомстить согражданам своим за несправедливое от них гонение, велел ему с войсками идти в Грецию.

Фемистокл, забыв несправедливость сограждан своих и не страшась гнева Ксерксова, полагает к ногам его жезл повелительства над Персидскими войсками и говорит, что он скорее умрет, нежели пойдет разорять стены своего Отечества. Сие отрицание подает повод к следующему достойному приращения разговору между ними:

Ксеркс: Ты раздражаешь того, кто тебя может сделать несчастным.

Фемистокл: Но не изменником.

Ксеркс: Ты мне ЖИЗНИЮ обязан.

Фемистокл: Но не честию.

Ксеркс: Отечество твое тебя ненавидит.

Фемистокл: Но я люблю его.

Ксеркс: Неблагодарный! Смерть ожидает тебя. Но что ты любишь только в отечестве твоём?

Фемистокл: Все, Государь: прах моих предков священные законы, покровителей богов, язык, обычаи, пот во благо сограждан моих мною пролианный, славу потом тем полученную, воздух, деревья, землю, стены, каменья.

Так мыслил Фемистокл в отдаленные времена, так же и ныне мыслит всякая благородная душа. Природа человеческая не испортилась и не испортится никогда. Достохвальные чувствования всегда велики и почтенны. Хотя часто порок торжествует в мире, но какое его торжество! Наружный блеск счастья скрывает в нем внутреннюю темноту, и когда одетый в злато и багряницу встречается он с покрытою рубищем добродетелию, тогда, не взирая на гордый вид свой, невольно, внутри сердца своего, падает к ногам ее и не смеет мрачных очей своих возвести на светлое ее лицо.

Феодор Никитич Романов, наш Фемистокл, нареченный потом Филаретом, муж благонравный и кроткий, отправлен был в смутные времена России со многими другими боярами и чиновниками послом в Польшу. Польский король Сигизмунд искал тогда сесть на праздном после Шуйского престоле Российском. Войска его силою и коварством вторглись в Москву и принудили уstraшенных московских бояр послать к нему грамоту, приглашавшую его принять самодержавное над Россиею владычество. Филарет, не видя руки патриарха Гермогена, отрекся подписать сию грамоту. Ни долговременное заточение в темницу, ни жестокое с ним обращение, ни страх, ни угрозы не могли поколебать твердости его души. По десятилетнем страдании возвращается он в любезное Отечество свое, в Россию, за которую претерпел столько мучений, возвращается и падает к ногам избранного народом царя... Но кто сей царь? Сын его Михаил! Кто может описать сие величественное зрелище? Сию священную радость их свидания? Страдалец за Отечество видит в сыне своем награду за свои страдания, лобызает в нем надежду России, созерцает будущее ее благополучие, и юный царь объемлет в седом родителе своем мудрость, великодушие и пример, как должно любить свое Отечество. Но отнимем у

Филарета твердость душевную, дадим ему подписать грамоту. Куда денется священство и величие сего свидания? Превратится в стыд и раскаяние. Добродетель! Ты одна можешь чувствовать истинную радость.

Эпаминонд повелевает фивскими войсками против ратоборствующих с ними лакедемонян и знаменитыми подвигами своими приносит величайшие Отечеству пользы. Фивяне, как сказывают, имели неблагоразумный закон, определявший предводителю войск срочное время, по истечении которого посылалось от народа к нему повеление о сдаче начальства другому, и в случае непослушания осуждался он на смерть. Зависть и клевета не упустили воспользоваться сим обстоятельством. По внушению их обманутый народ, не взирая на дела Эпаминондовы, посылает к нему повеление сдать в силу закона предводительство над войсками другому полководцу. Эпаминонд, не надеясь на преемника своего, и видя, что все приобретенные до сего успехи не только останутся и не довершатся, но что неприятели чрез таковую перемену возникнут и усилятся, не послушал повеления, довершил начатое им дело, покорил всех противников и, возвратясь в Фивы, сказал народу: «Я преступил закон; вы должны предать меня смерти; но справедливость требует, чтобы на гробе моем написано было: “Эпаминонд казнен за преступление, содеянное им для спасения сограждан своих от ига иноплемненных”». Вот как сильна в истинных сынах Отечества любовь к нему! Две смерти предстояли Эпаминонду: одна – от врагов, другая – от своих. Он мог избавиться от обеих, сохранив и жизнь свою, и славу, но глас любви к Отечеству вопиет в нем, и он ничему, кроме его, не внимлет. Откуда в слабом теле человеческого толикая твердость духа? От надежды на бессмертие: сие одно делает душу его столь великою; без того боялся бы он, как червь, раздавлену быть пятою последнего животного.

Петр Великий приступает к Шлиссельбургу. Голицын предводительствует войсками. Краткость лестниц отъемлет у храбрости возможность взойти на высоту стен: осажденные поражают сильно, осаждающие во множестве падают. Петр, видя сие, повелевает Голицыну отступить. Голицын не отсту-

пает и берет Шлиссельбург. Вот наш Эпаминонд. Ломоносов не пропустил воспеть сего великого подвига. Он, описывая упорную и жестокую брань сию, говорит, что Петр:

«Смотря на воинства упадок бесполезный
К стоящим близ себя возвел зеницы слезны:
“Что всуе добрых мне, – сказал, – людей губить?
Голицыну, спеша, велите отступишь”».

Но Голицын:

«...пламенем отвсюду окружен,
Вещал: “Мы скоро труд увидим совершен;
Чрез отступление от крепости обратно,
В другой еще приступ погибнет войск двукратно,
И если Государь желает город взять,
Позволил бы нам бой начатый окончать”.
С ответом на стену пред всеми поспешает,
Солдатам следовать себе повелевает».

И хотя опущенное на него со стен горящее бревно низринуло его полумертвого на землю, однако храбрые россияне, последними силами гласа его ободряемые:

«На копья, на мечи, на ярость супостат,
На очевидну смерть бестрепетно летят».

Таким образом, взят был Шлиссельбург, или, по прежнему названию, Орешек. Народ пощадил Эпаминонда; Петр облобызал Голицына. Любовь к Отечеству! Ты так почтенна, что и самое оскорбленное тобою самолюбие не может удержаться от простертия к тебе длани своей.

Регул взят в плен карфагенцами. Рим для получения обратно столь великого мужа готов помириться с ними и уступить им все приобретенные кровью выгоды. Регул, узнав о сем, просит карфагенян отпустить его в Рим, дав им честное

слово с тем же послем, с которым отправлен будет, возвратиться назад. Карфагенцы, зная, что такое честь в душе Регуловой, верят ему и отпускают, но с каким условием? Показывают ему бочку, по всей поверхности пробитую насквозь железными гвоздями, и говорят: «Если ты возвратишься к нам с миром, мы тебя освободим; если же привезешь к нам продолжение войны, то посажен будешь в сию бочку и пущен катиться по крутизне горы». Регул отъезжает. Обрадованный Рим стекается его увидеть. Он дает римлянам совет не иначе помириться с карфагенцами, как, воспользовавшись всеми силою оружия одержанными доселе преимуществами, и по склонении их к тому, в провожании рыдающего семейства своего и плачущего Сената и народа отправляется обратно в Карфаген, дабы там быть низвержену с горы в приготовленной для него бочке. До какой чрезвычайной степени пылающая к Отечеству любовью душа человеческая может быть велика!

Гермоген, Патриарх Московский, был наш Регул. Велико-го мужа, почтенного старца сего некто из наших стихотворцев так изображает:

«Кто муж сей мудрый, сановитый,
Премрачный, как луна во мгле,
Имущий кроткий зрак открытый,
Ко правде ревность на челе?
Блестит в очах, слезить усталых,
Как солнца луч сквозь ранний пар,
К отечеству сердечный жар.
Бледнеет скорбь в ланитах впалых,
До чресл волнуется брада;
Глава годами оснеженна,
Вся крепость плоти изможденна,
Душа единая тверда».

Так подлинно: в сем теле сокрушенном, в сей изможденной плоти видим мы дух, никакими страхами, никакими бедствиями непреоборимый. Россия без главы; нет в ней

царя; вельможи все вкупе разделены, а каждый порознь слаб и маловластен; народ мятется, унывает, страждет, не зная, что делать и кому повиноваться: так на море корабль без кормила и якоря не ведает, куда идти и где остановиться. Между тем буря поднятыми на подобие горé волнами бьет, ломит, трясет все его составы и угрожает их разрушить. В таком состоянии была Россия в начале XVII века. Отвне – поляки и шведы, внутри – несогласия и раздоры свирепствовали. Москва отворила врата свои врагу и под властью чужой руки, угнетенная и разграбленная, растерзанная, рыдала неутешно. Каменные стены, огнедышащие бойницы, дремучий лес копий, молниеносные тучи мечей, не столько от неприступных сил неприятельских, сколько от собственного своего неустройства, преклонились и пали. Одним словом, все преодолено было; но оставался еще один оплот, всего крепчайший: оставался в изнеможенном теле старца дух твердый; оставался Гермоген. Народ российский всегда крепок был языком и верою; язык делал его единомысленным, вера – единокорным. Двести лет стонал он под игом татар, но в языке и вере пребыл неприменен. Для совершенного покорения России надлежало к силе оружия присовокупить глас Церкви, надлежало принудить Патриарха, яко первенствующую духовную особу, дать на то свое согласие и разослать повсюду за подписанием своим грамоты. Поляки вместе с согласившимися поневоле на то некоторыми московскими боярами и народом упрашивают Патриарха. Он отвергает их прошение. Неистовые враги угрожают ему смертью, он отвечает им: «Тело мое вы можете убить, но душа моя не у вас в руках». Они в ярости рвут на нем золотые ризы, совлекают священное облачение, налагают на него вериги и оковы; он сожалеет только, что из десницы его отнят крест, которым благословлял он народ стоять за Отечество. Они повергают его в глубокую смрадную темницу; он соболезнует только, что не может более предстоять во храме Божиим для воздеяния пред лицом народа рук своих ко Всевышнему. Они изнуряют его голодом, томят жаждою; но ни тяжкие цепи, ни густой мрак, ни страшное мучение алча, ни жестокая тоска

иссыхающей гортани не могут победить в нем твердости духа, не могут преклонить его к согласию на порабощение своего Отечества. Он умирает, и последний вздох его был молитвою о спасении России. Так скончал жизнь свою россиянин, пастьерь Церкви, сын Отечества! О, Гермоген! Ни сан твой святительский, ни власть твоя священная не прославили бы тебя столько на небесах и на земле, сколько прославили тебя твоя темница и твои цепи. Между тем весть о его смерти течет из града в град; из веси в весь. Во всех сердцах воспламеняет гнев и мщение, утверждает согласие, возбуждает храбрость, умножает ревность и усердие. Пожарские, Миныны, Дионисии, Филареты, Палицины, Трубецкие и множество других верных сынов России, каждый своим образом – кто мечом, кто советом, кто иждивением, кто твердостью духа – стекаются, содействуют, ополчаются, гремят, и Москву от бедствий, Россию от ига иноплеменных освобождают. Уже не польский царевич малым числом устранных бояр возводится на престол, но избирается устами и сердцем всея России молодой Михаил, благословенная ветвь от благословенного корня русских князей, из рода Романовых. Сей род соединяется потом с родом Нарышкиных и производит Петра Великого, вознесшего Россию на высокую степень величия и славы.

Таким образом, везде и во все времена видим мы удивительные примеры любви к Отечеству. Сила ее превыше всякого страха. Душа, воспламененная ею, не боится ни воды, ни огня, ни глубины, ни высоты: Курций в Риме низвергается для нее в подземную пропасть. Сакен на Черном море, окруженный неприятелями, подрывает под собою порох и летит с обломками корабля на воздух, отколе тело его упадет в море, а душа возносится к небесам.

Итак, видя, с одной стороны, людей, с толикою неустрашимостью духа жертвующих собою Отечеству, и с другой – всеобщий стыд не любить оное, следовало бы из того заключить, что привязанность к месту рождения своего и к согражданам своим, братьям нашим, есть некое общее, со млеко всосанное и во всех сердцах обитающее чувство.

Так бы надлежало; так оно и есть в главной своей сущности. Но людей много, нравы их различны, склонности непостоянны, страсти пылки. Человеческая душа, исполненная добродетелями или развращенная пороками, толико же благостию своею удобна приближаться к Божеству, колико чернотою своею – к жителям преисподней. Отсюда видим мы людей, жертвующих жизнью и всеми благами Отечеству, и в то же время видим, хотя и редко, изменников оного и предателей. Но оставим их, природа гнушается ими, и человечество долженствует имена их забыть, дабы при воспоминании оных не содрогаться от ужаса; оставим их проклятию потомков и мщению небес. Отвратим глаза наши от гнусных преступлений человеческих; но не отвратим их от слабостей, от заблуждений, от некоторых обманчивых прелестей; ибо мы все тому подвержены. Природа наша несовершенна. Кто назовет себя непорочным? Кто, сын греха, скажет о себе: я стою твердо, и никакие волны страстей и заблуждений не поколеблют меня? Таковое несродное телесному составу нашему надеяние на себя, было бы не что иное, как гордая слепота, отвергающая осторожность и ведущая нас прямо в ров. Итак, устремляя все наши мысли к благим и добрым делам, не забудем, что мы люди, и что для утверждения себя в добродетелях имеем нужду помнить свои слабости и опасаться их. На сем основании станем рассуждать и об Отечестве нашем. Мы все любим его, но сие не мешает нам размышлять о средствах, какими сия священная любовь питается в нас, растет и умножается; ибо она не должна иметь пределов. Чем больше душа всего народа пылает ею, тем тверже слава и благоденствие сего народа. Отечество (сказала мне одна из почтенных наших женщин) требует от нас любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила в один пол к другому. Отними у нас слепоту видеть в любимом человеке совершенство, дай нам глаза посреди самого сильнейшего пламени нашего усматривать в нем некоторые недостатки, некоторые пороки; возбуди в нас желание сличать их с преимуществами других людей; ум начнет рассуждать, сердце – холодеть, и вскоре человек сей, ни с кем прежде не сравненный, делается для нас не один на свете,

но равен со всеми, а потом и хуже других. Так точно Отечество. Когда мы начнем находить в нем многие пред другими землями недостатки; когда станут увеселять нас чужие обычаи, чужие обряды, чужой язык, чужие игры, обворожая и прельщая воображение наше правдивою русскою пословицею: там хорошо, где нас нет, и то хорошо, что не носит на себе отечественного имени; тогда при всех наших правилах, при всех добрых расположениях и намерениях будет в душу и в образ мыслей наших нечувствительно вкрадываться предпочтение к другим и, следовательно, уничижение к самим себе; а с сим вместе приметным же образом станет уменьшаться первейшее основание любви к Отечеству, дух народной гордости, который гремящими устами Ломоносова завистникам России говорит:

«Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел,
И чувствам собственным поверьте;
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого алтаря».

Или устами одного из новейших наших стихотворцев, взывающего к сынам России:

«Под хладной северной звездою
Рожденные на белый свет,
Зимою строгою, седою,
Взлелеяны от юных лет,
Мы презрим роскошь иностранну.
И даже более себя
Свое отечество любя,
Зря в нем страну обетованну,

Млеко точашую и медь,
На все природы южной неги
Не променяем наши снега
И наш отечественный лед».

Так, конечно; гордость сия, хотя иногда величаявая, иногда суровая, но необходимо нужная, предостерегает от ложных умствований: она не допускает нас под видом предрассудка излишней любви ко всему отечественному упасть в предрассудок излишней любви ко всему чужеземному.

Слово *гордость* имеет два значения, совершенно противные между собою, или, лучше сказать, человеку свойственны две гордости: одна есть торжество порока, другая – торжество добродетели; одна – чуждая всякой благодати и любви, хочет главою коснуться небес, и все то, что под нею, попать и растоптать ногами. Она любит брани, пожары, токи крови. Другая, напротив, не завидующая никому и сама собою довольная, услаждается миром и тишиною. Она не превозносится унижением других, но собственным своим достоинством величается. Она не ищет никого поработать; но кто силою или коварством возмнит ее поработить, повергнуть в цепи, оковы; тогда только является она во всем своем могуществе и величии: могущество ее состоит в общем согласии сердец и умов, величие – в твердости душ. Сия народная гордость и любовь к Отечеству суть две единокровные, неразлучные подруги, составляющие силу, крепость и благоденствие всякой державы. Любовь к Отечеству говорит человеку: неисповедимая премудрость Божия повелела тебе родиться от отца и матери, иметь братьев, сестер, родных, ближних; дала тебе отличное от животных свойство знать и помнить их от колыбели до гроба; обязала их печься о твоём младенчестве, дышать тобою и любить тебя даже за пределами твоей жизни. Поставила сердце твое посреди сладчайших чувствований к тем, от кого ты произошел, и к тем, которые от тебя бытие свое получили. Не благополучен ли ты посреди объятий родившего тебя и рожденного тобою? Сим образом благодать Создателя Вселенной назначила

тебе дом, жилище, место пребывания. Повелела, чтоб единое семейство посредством брака соединялось с другими: да течет во всех одна и та же кровь, да свяжут сии священные узы весь народ, и да скрепят его единокровием, любовью, дружбою. Отсюда законы называли тебя гражданином, единоземцы – братом, Отечество – сыном. Ты пред лицом Бога и всего света дал торжественное обещание хранить сей союз, запечатленный волею Творца, вопиющим в тебе гласом природы, общим для всех благом, с которым и твое собственное неразлучно. Сие обещание основано на долге благодарности, чести, на правилах веры, на законах Божеских и человеческих. Можешь ли ты без содрогания и ужаса помыслить о нарушении оно, каким бы то ни было образом, собственным твоим ожесточением, или отсутствием благоразумия, или пагубными соблазнами других?

Так вещает нам любовь к Отечеству, и глас ее священ и справедлив. Он поселяет в нас чувство народной гордости: ибо где любовь к народу своему, там и желание видеть его процветающим, благополучным, сильным, превозносящимся над всеми другими царствами, Там всякий словами и душою не сравнивает имени Отечества своего ни с каким другим, пользуется чужими изобретениями, приобретениями, хвалит их, но любит только свои. Без сей необходимо нужной гордости упадет дух честолюбия, сохнет корень надежды на самого себя и величие души, рождающее все подвиги и доблести, подавляется унижением. Если бы какой народ вподробну примечал в себе некоторые недостатки в искусствах украшать наружность, увеселять зрение, услаждать вкус роскоши и тому подобное (ибо в душевных свойствах и добротях стыдно кому-нибудь уступать); то и тогда благороднее и полезнее мыслить: я имею свой ум, свои руки, своя понятия, свои глаза; могу сам изобретать, творить, размышлять, действовать, и любовь к собственным моим произведениям увеличит мои способности, даст им блеск, приятность, славу; нежели думать: все мое собственное худо, и сам я не могу иначе быть хорош, как руководствуясь другим и делаясь во всем на него похожим. Таковое уничижительное о себе мнение, если бы оно в каком-нибудь народе

укорениться могло, послужило бы к повреждению нравов, к упадку духа и к расслаблению сил умственных и душевных. Когда один народ идет на другого с мечом и пламенем в руках, откуда у сего последнего возьмутся силы отвратить сию страшную тучу, сей громовый удар, если любовь к Отечеству и народная гордость не дадут ему оных? Какой щит тверже единоплеменные граждан, защищающих жен и детей своих? Какое оружие страшнее стыда уступить и пасть пред своим врагом, идущим разорять Отечество наше? Что ж когда сии две крепчайшие ограды заблаговременно ослаблены будут?

Отсюда явствует, что не одно оружие и сила одного народа опасны бывают другому; тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать в них любовь к земле своей и гордость к имени своему есть средство, надежнейшее мечей и пушек. Средство сие медленно, однако верно в своих соображениях, или раньше или позже, но всегда цели своей достигает. Мало-помалу налагает оно нравственные узы, дабы потом наложить и настоящие цепи, зная, что пленник в оковах может разорвать их, может еще быть горд и страшен победителю, но пленник умом и сердцем остается навсегда пленником. Если бы какой народ различными путями дошел до того, чтобы сделаться во всем образцом и путеводителем другого народа, так, чтобы сей, прельстясь блеском мнимых превосходств, не возлюбил ни страны своей, ни обычаев, ни языка, ни ремесел, ни забав, ни одежды, ни пищи, ни воздуха, и все сие казалось бы ему у себя не хорошо, а у других лучше: не впал ли бы он в достойное жалости уничижение? Таковые примеры со всеми вредными их следствиями нередко находим мы в бытописаниях народов. Рим от сего лишился своего величия, многие сильные державы явились от сего слабыми. Сама Россия некогда была тому подвержена. Хилков устами Хераскова говорит в «Россияде»:

«В сии позорные в России времена
Погасли княжески почтенны имена;
Чужие к нам пришли обычаи и нравы
И скрылися следы приобретенной славы».

Но хотя бы и не можно было ни в ком предполагать столь великого ослепления, то, однако, по сродной человеку слабости прельщаться и впадать в заблуждение (чему всяк больше или меньше подвержен), не надлежит предостерегающее о том напоминание почитать излишним и не надобным.

Что делает любовь к Отечеству? С благостью в очах, с прозорливостью в уме, с истиною и правосудием в сердце печется о благоденствии народном. Она в одной руке держит законы, а в другой – меч и говорит народу: сии законы, начертанные мною на основании Божиих заповедей, – суть ваша свобода; сей меч, держимый мною на поражение внешних и внутренних врагов, – есть ваша безопасность: доколе сии законы свято будут храниться, до тех пор я с вами и вы свободны; доколе меч сей никому, кроме нарушителей законов, не будет страшен, до тех пор радость и спокойствие обитать будут в сердцах и жилищах наших. Она говорит каждому сыну Отечества: «Член великого тела! Не отрывайся от оною никогда и поставленной от Бога над ним главе служи верою и правдою. Люби царя и Отечество делами твоими, а не словами. Не надейся никогда быть счастливым, угрызаемый совестью, и не бойся ничего, похваляемый ею. Знай, что я с гнушением отвращаю взоры мои от Глинских, которые лукавым языком говорят Иоанну:

«Ты Бог наш! Если б мы могли, несчастны,
То нам ли на тебя отважиться роптать?»

И с веселием объемлю выю Курбских, вещающих ему чистосердечно:

«О Царь мой! Властен ты, мою пролити кровь,
Однако в ней почти к Отечеству любовь».

Что делает народная гордость? Не хочет никому уступать. Ревнует украшаться и блистать собственными своими достоинствами. Велит любить честь, велит уважать себя, иметь мужество, твердость, душу. Она не променяет имени, языка,

нравов своих ни на что. Она покорствует единой главе Отечества своего и больше никому. Она простирает руку помощи слабому и смотрит на сильного без зависти и без боязни. Всяк чужеземец ей друг, но как скоро помыслит он властвовать над нею, с оружием в руках, или с лукавством в сердце, на силу ли свою надеясь, или на прельщение, тотчас увидит ее грозну, как тучу, и страшну, как молнию и гром. Между уничтожением и погибелью избирает она погибель; между цепей и смертью кидается она в объятия смерти.

Итак, самое величайшее блаженство, самая сильнейшая ограда всякой державы есть любовь к Отечеству и народная гордость. Посмотрим же, какими средствами две добродетели, столь необходимые для общего блага, укрепляются в нас, и какими ослабевают.

Первейшая покровительница их есть святая православная вера, сей единственный человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпает мудрость, закон, силу, судья – правду, полководец – мужество, земледелец – трудолюбие, воин – храбрость и бесстрашие. Она устами первосвященника говорит Иоанну:

«Не кровию алкать Монарха устремляю,
Но Церковь защищать тебя благословляю».

Таким образом, вера, которая во всяком другом случае велит нам и малейшую каплю крови человеческой щадить, которая каждую слезу, каждый вздох, жестокостью нашею исторгнутый, исчисляет и взыскивает от нас; сей агнец смирения, сей Ангел кротости и милосердия ополчает руки наши и повелевает нам проливать свою и чужую кровь, когда дело идет о защищении и спасении Церкви и Отечества. Она, поучающая нас, чтоб мы даже и неприятелей своих любили и за всякое сделанное нам зло платили им добром, в сем едином случае, возводя на небо очи, молит о победе и преодолении врагов. Из сего единого не видим ли мы, какими тесными узами вера сопряжена с любовью к Отечеству, и что она не толь-

ко ведет нас в блаженство будущей вечной жизни, но и в сем кратком на земле пребывании нашем необходима для общего всех спокойствия и безопасности. Кто ж приведет нас в сие благополучное состояние? Слово *народ* представляет нам такое же понятие, как морские волны: буря подымлет и вернет их; в нас страсти подобное же воздвигают тревожение, не меньше яростное, не меньше лютое. Кто для усмирения сих бушующих страстей, раздувающих в сердцах наших огонь вражды, междоусобия, искоренения друг друга; кто посреди сих буйств и ослеплений говорит сильному из нас: наблюдай правду; слабому: терпи; и обоим вместе: вот завтрашнее жилище ваше, гроб; за пределом же гроба – судья дел ваших, Бог! Сей глас есть веры: глас сильный, праведный, миролюбивый, равно поучительный, равно полезный великому и малому, богатому и нищему. Кого послушает человек, если не послушает оного? Законы наказуют уличенного преступника, но кто накажет тайного злодея? Законы казнят пойманного с ножом смертоубийцу, но кто казнит не меньше, чем он, жестокосердного богача, который уделением оставшихся от тучного стола своего крупниц не хотел спасти умирающую от голода семью? Кто накажет в сердце человеческого лукавство, обман, лесть, зависть, злобу и тысячи гнездящихся в нас пороков? Если бы законы восхотели присвоить себе право исправлять наказаниями, они не могли бы совладеть с числом виновных, умножили только зло и напоследок потеряли бы совсем власть свою и могущество. Когда же ничто сих пороков не обуздывало бы, тогда родилось бы из них столько злодейств и преступлений, что законы точно так же не в состоянии были бы совладать с ними, как с пороками, и, следственно, опять лишились бы силы и власти своей. Кто же, как не вера, кротким и купно страшным гласом своим способствует существовать законам, и что другое может нас лучше примирять и крепче сопрягать друг с другом и с Отечеством?

Но сколько вера, сия устроительница внутреннего спокойствия и благих нравов, делает общежитие наше в недрах отечества своего приятным и безопасным, столько же охраняет она

мирное пребывание наше от внешних врагов. Посмотрим торжество ея на полях брани. Кто велит воину презирать труды, опасности и самую смерть? Кто посылает его с оторванною рукою нести в жертву и другую руку? Взглянем после сражения на ратное поле, посмотрим с ужасом на сии многие тысячи людей, лежащих без ног, без рук, обезглавленных, растерзанных, умирающих и мертвых: кто удержал их на поле брани? Кто дал им силу духа стоять противу огнедышащих, смертоносных орудий? Кто, не взирая на страшное побоиенных собраний своих зрелище, посылает других сотоварищей их подвергаться той же самой участи? Честолюбие. Но в чем состоит истинное честолюбие? В люблении чести, правды, закона, царя, Отечества, ближних; в посвящении им всех сил своих и жизни, с твердым упованием не земной от людей, но небесной от Бога за то награды. Какое другое побуждение может сравниться с сим благородным побуждением? Неужели страх наказания? Неужели корыстолюбие? Но такое низкое помышление души уподобило бы непоколебимое мужество человека свирепству хищных или робости диких зверей. Возьмем сто тысяч воинов и представим себе, что они все до единого в высочайшей степени честолюбивы: ни один из них не оставит ратного поля, все до последнего лягут на месте брани. Таковые примеры неоднократно случались с храбрыми российскими полками, многочисленную неприятельскою силою окруженными. Всяк из сих христолюбивых воинов, перекрестясь, становился на место убитого подле него товарища, и все сряду, увенчанные кровью, не сделав шагу назад, лежали побитые, однако не побежденные. Как? Сия твердая грудь, несущаяся за Церковь, за царя, за Отечество, на острое железо; сия с текущею из ран кровью великодушно изливаемая жизнь; сие великое в человеке чувство рождается без надежды на бессмертие? Кто поверит сему? Когда сия надежда одушевляла Фемистоклов, Эпаминондов, Регулов, то мы ли, озаренные сиянием веры, познавшие всю истину и цену сего священного с небес ниспосланного гласа, станем величие души созидать на побуждениях презрительных страстей? Человек, не рожденный и не воспитанный в

вере, может еще быть честолюбив и праводушен, но тот, кто отпадет от нее, истребит ее из души своей, в том не останется ничего, кроме страсти к самому себе. Его могут убить, но сам он ни за кого не умрет. Вера дает нам душевные силы любить и делать добро, маловерие отъемлет их, безверие же погружает нас в бездну буйств и пороков, разрушающих безопасность, тишину и спокойствие народное.

Итак, когда государство или народ желает благоденствовать, то первое попечение его должно быть о воспитании юных чад своих в страхе Господнем, в напоении сердец их любовью к Государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной; любовью к Отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главою своею; и, наконец, любовь к ближнему, под которою разумеются сперва сограждане, а потом и весь род человеческий. Отсюда явствует, что воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках; но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к Отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери. Он научит меня математике, механике, физике, но и самый честный из них и благонамеренный не научит меня знать землю мою и любить народ мой; ибо он сам сего не знает, не имеет нужных для меня чувствований и не может их иметь: у него своя мать, свое гнездо, свое отечество. Любовь к оному почерпается не из хладных рассуждений, не из принужденной благовидности, нет! Она должна пламенною рекою литься из души моего учителя в мою, пылать в его лице, сверкать из его очей. Откуда иностранец возьмет сии чувствования? Он научит меня своему языку, своим нравам, своим обычаям, своим обрядам; воспалит во мне любовь к ним; а мне надобно любить свои. Две любви не бывают совместны между собою. Он покажет мне славу своих единосемцев, а мои погребены будут во мраке забвения. Он возбуждает во мне желание читать его писателей; пристрастит меня к их слогу, выражениям, словам; а чрез то отвратит меня от чтения собственных моих книг, от познания красот языка моего.

каждое слово его будет мне казаться прелестным, каждое слово мое – грубым; ибо кто может устоять против возбужденной с малых лет склонности и привычки? Он поведет меня по своим городам, полям, путям, вертоградом; натвердит мне о своих забавах, играх, зрелищах, нарядах; распишет их в воображении моем своими красками; обольстит, очарует понятие мое; родит во мне благоговение ко всем мелким прелестям и к самым порокам земли своей. Таким образом, даже нехотя, вложит в меня все свое, истребит во мне все мое и, сблизив меня со своими обычаями и нравами, удалит от моих. Я пойду за ним шаг за шагом, и тогда, когда бы надлежало мне с молоком матери моей сосать любовь к моему Отечеству, приобретать с каждым днем возраста новую к нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствия принадлежать ему, новый предлог гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожден в нем; тогда сделает он, что все сии священные чувствования умрут или охладят во мне, и я только телом буду жить у себя, в родной стране моей, а сердцем и умом не чувствительно и поневоле переселюсь в чужую землю. Таковое превращение, более или менее сильное, произведет во мне чужестранное воспитание без всякой вины воспитателя; ибо он не виноват, что любит землю свою больше моей. Что же, если, положим, еще в нем худые нравы, наклонность к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии, к сим обманчивым именам начальствующего безначалия, верной измене человеколюбивому терзанию людей, скованной свободе? Тогда для образования моей наружности при малейшем поползновении моем к порокам вложит он в меня такую душу, от которой Бог, вера и добродетель отвращают свое зрение. Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времен и призывает на главу нашу или благословенье или клятву потомков. Оно медленно приносит плоды, но когда уже созреют оные, тогда нет уже возможности удержать их от размножения: должно будет вкусить сла-

дость их или горькость. Для посеяния добрых семян благонравия надлежит, чтобы сан воспитателя был важен и почетен, не наружными почестями украшен, не телесною ловкостью приятен, но добрым именем и славою долговременно известен. Лучше простой человек со здравым рассудком и добрыми нравами, нежели ученый с развращенными мыслями и худым сердцем; лучше грубоват и пасмурен лицом, нежели статен телом, блестящ остроумием, но мрачен душою; ибо гораздо полезнее Отечеству и всему роду человеческому судья сострадательный, воин храбрый, земледелец трудолюбивый, нежели легкомысленный вертопрах, или важный метафизик, рассуждающий о монадах и делающий воспитанника своего монадою. Должно мне сказать еще нечто о родном языке всякой державы. Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел. Возвышается народ – возвышается язык; благонравен народ – благонравен язык. Никогда безбожник не может говорить языком Давида: слава небес не открывается ползающему в земле червю. Никогда развратный не может говорить языком Соломона: свет мудрости не озаряет утопающего в страстях и пороках. Писания зловерных умов не проникнут никогда в храм славы: дар красноречия не спасает от презрения глаголы злочестивых. Где нет в сердцах веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к Отечеству, там язык не изъявляет чувств отечественных. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствуют только разврат и ложь. Одним словом, язык есть мерило ума, души и свойств народных. Он не может там цвести, где ум послушен сердцу, а сердце – слепоте и заблуждению. Но где добродетель вкоренена в душах людей, где всякому любезен язык правоты и чести, там, не опасаясь стрел невежества и клеветы, растут и зреют одни только плоды наук и трудолюбия. Тогда рождаются и возникают сии отличные люди, которые силою расцветающего в умах их красноречия приносят во всех родах познания всеобщую пользу. Тогда воскрыляются сии великие песнопевцы, которые в творениях своих говорят языком

героев, языком богов. Сим восхищают, воспаляют они воображение своих читателей; сообщают им огонь свой; рожают в них новый свет: отсюда храбрая душа воина воспламеняется новою любовью к славе; отсюда зодчий почерпнет мысль о великолепии храма; отсюда живописец учится изображать величество Юпитера и силу Геркулеса; отсюда ваятель и камнесечец бесчувственным истуканам своим дают жизнь и прелесть. Тогда растут науки и цветут искусства, зеленеют искусства, и древо просвещения, пуская корни свои глубоко, возносится вершиною к небесам. Таковы суть пользы языка! Но между тем, как он созидаёт славу народную, он же соединяет всех самыми крепкими узами. Опытами доказано, что в сопряжении областей не составляют они совершенного единства тела и души, доколе языки их различны; и, напротив того, самые разделённые и отторженные одна от другой области, имеющие один язык, сохраняют в себе некое тайное единодушие, которого ни рука власти, ни рука времени разрушить не могут. Кажется, природа одарила звуки отечественного языка некоторой волшебной прелестью. Человек, по чужим землям странствующий, когда встретится с другим и услышит из уст его природные свои слова, сердечно обрадуется и прилепляется к нему дружбаю. Воин посреди лютой брани возносит кровавый меч, дабы обезглавить поверженного врага; но когда сей на отечественном языке его возопиет к нему о пощаде, он смягчается, и вознесенную на поражение его убийственную руку дружелюбно простирает к нему на подъятие оною. Настолько глас Родины сладок! Но что я говорю о человеке? Не видим ли мы даже в зверях и птицах знаков любви к сему гласу? Не бегут ли, не летят ли они на зов своих товарищей? В звуках их нет того великого разнообразия, какое видим в человеческих языках, однако всякая из сих тварей знает звуки своей породы, и к ним одним пристрастна. Итак, природный язык есть не только достоинство народа и не только основание и причина всех его знаний, не только провозвестник дел его и славы, но купно и некий дар, к которому, хотя бы и не рассуждать о нем, природа вложила в нас тайную любовь; и если человек теряет сию любовь, то

с ней теряет и привязанность к Отечеству и совершенно противоборствует рассудку и природе.

Из всех сих рассуждений явствует, что вера, воспитание и язык – суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию. Явствует также, что сия высокая добродетель, требующая великости духа, исполнения своих обязанностей, непорочности сердца и осторожности от искушений и прелестей, не так удобно приобретается, чтобы мы при немощах и страстях наших легко досязать до ней могли. По сему нужно частыми о ней размышлениями разум и душу свою в том подкреплять и для неизгладимого ее в сердцах наших утверждения всегда призывать на помощь Того, кто Всемогущею десницею Своею управляет миры и без Которого во всех наших помыслах господствуют только мрак и тьма. Обратимся теперь от общего рассуждения к нашему любезному Отечеству, к России. Сыны и дочери ее всегда, во все времена дышали любовью к ней. Создатель и Отец народов, Бог, в посылаемых от Него великих обладателях наших, всегда являл и являет благодать Свою над нами. Возблагодарим Его, воззовем к Нему, да глава и тело Отечества нашего под Его Всемощным покровом цветут и движутся.

Я покусился сказать нечто о любви к Отечеству, но голос мой слаб; не столько достоин внимания вашего, сколько бы я того желал. О, если бы искусство пера моего могло сравниться с жаром моего усердия! Тогда усладил бы я сердца ваши, горящие к Отечеству любовью, и громом слов моих потряс бы душу того, в котором сия священная любовь или уснула, или воздремала.